

ФОРМИРОВАНИЕ БУРЯТСКОГО ЭТНОСА В СТРУКТУРЕ ТЕРРИТОРИИ И СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

В научной литературе взгляды на проблему образования бурятской народности разделяются на две группы. В первой ученые утверждают, что ко времени появления русских на Байкале народность уже существовала. Во второй группе утверждается, что народность возникла после прихода русских в Предбайкалье и Забайкалье. В данной работе рассматривается проблема бурятского этногенеза через территориализацию.

Ключевые слова:

буряты, территориализация, этногенез, этнос.

Тезич М.Дж. Формирование бурятского этноса в структуре территории и социального пространства // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 3. – С. 42–46.

© Тезич Мустафа Джан – кандидат социологических наук, преподаватель, Университет Анкары, Анкара; e-mail: cantezic@yahoo.com

Проблема образования бурятской народности делит специалистов на две группы. В первой ученые, такие как Н.Н. Козмин [12], Н.П. Егунов [8], С.А. Токарев [19], Г.Н. Румянцев [17] утверждают, что ко времени появления русских у Байкала народность уже существовала. С другой стороны, вторая группа ученых, к которой относятся Б.Б. Барадин [3], А.П. Окладников [15], Б.О. Долгих [6], Л.Р. Павлинская [16], Е.М. Залкинд [10], Д.Д. Нимаев [14], утверждает что народность возникла после прихода русских в Предбайкалье и Забайкалье [11, с. 121–129].

Мы согласны с учением, которое утверждает, что народность возникла после прихода русских в Предбайкалье и Забайкалье. Мы согласны, потому что считаем, что территориальное разграничение как «социальное действие» [18, с.112] придает разным родоплеменным группам представление единства.

По нашему мнению, в процессе этногенеза важную роль играют разные факторы. Территориальное формирование – тоже фактор, который помогает формированию этнического представления. В случае Бурятии этническое объединение начало кристаллизоваться в процессе перехода от кочевого образа жизни к оседлому при русском урвлении, в течение которого различные племенные принадлежности объединялись под этнической принадлежностью в современном смысле.

В данной статье мы рассуждаем об отношении между территориализацией и процессом формирования этнической принадлежности. В рамках этого рассуждения, сравнивая территориальную принадлежность с принадлежностью человеческих представлений, мы исследуем, как

появлялась этническая принадлежность под этнонимом буряты.

Для того что бы проанализировать эту тему, теоретическими предметами выбраны теория этноса и humanistic geography.

Теория этноса

По Ю.В. Бромлею, определение этноса делится на два основных понятия, в узком и широком смыслах. В узком смысле этнос получил название «этникос» и определяется как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), зафиксированных в самоназвании (этнониме) [4, с. 57–58].

В широком смысле концепт принял название «этносоциальный организм» (ЭСО). Термин означает: этнос, существующий в пределах социально-политической жизнедеятельности. По словам Ю.В. Бромлея, ЭСО в истории человечества существует в разных формах групповой принадлежности, таких как племя, народ и нация [4].

С другой стороны, Д.А. Доржев утверждает, что абсолютная интеграция этноса не происходит [7, с. 3–4]. Границы примордиальной принадлежности являются смутными и переплетёнными.

Согласно мнению Ю.В. Бромлея, с усилением этнического сознания примордиальные принадлежности превращаются в рамках иерархической структуры в субэтнос, этнос и метаэтнос.

В этой сложной системе не только метаэтносы могут иметь разные этнические группы, но и разные этносоциальные ор-

ганизмы могут находиться в одном этнокосе или в этнографическом пространстве [4, с. 82–87]. Таким образом, один и тот же человек может одновременно принадлежать к нескольким примордиальным объединениям разного уровня. Этносоциальная структура кочевого периода тоже структурирована в иерархии: улус, табуи, поколение и род. Различные роды могут иметь чувство близости в языковой или этнографической области.

В итоге, в иерархии социальной ячейки – примордиальная принадлежность – «мы» является динамичным и переплетённым явлением. Сущность примордиальной принадлежности может изменяться в зависимости от различных факторов. Территориализация – один из факторов, влияющих на сущность примордиальной принадлежности.

Место и пространство

По мнению географов, *place* (место) – понятие, которое выражало противоречивые отношения между субъективностью и ландшафтом в рамках человеческого опыта.

Туан (Yi-Fu Tuan) провел исследование, сравнивая *space* (пространство) с местом. По мнению Туана, пространство описано как открытая область, которая дает возможность действия и движения. С другой стороны, место имеет ограничительную структуру, которая ограничивает действие. Другими словами, место связано с субъективной оценкой и заключается в смысле *территориальная зона*. То есть, пространство имеет объемы, и у каждого объема в этом пространстве есть геометрическая плоскость, которая создана субъективным суждением (см. [22, с. 8]).

Релф (E. Relph) определяет процесс интернализации географической среды в человеческом сознании через несколько этапов, таких как время, идентификация и воспоминания. Можно утверждать, что место приобретает смысл в результате человеческого опыта. Это субъективное суждение порождает идентификацию и принадлежность. Со временем укрепленная идентификация возбуждает воспоминание. Таким образом, реализовывается ощущение принадлежности к территориальной зоне.

Так, Туан чтобы обозначить эмоциональную связь между людьми и местом, развил специальный термин '*topophilia*' (топофилия). Туан трактует место как вещь, содержащую смысл, который обеспечивает нам способность абстрактного мышления [22, с. 8].

По мнению Р. Сак (R. Sack), структура места динамична. И социальные отношения являются одним из факторов, определяющих место. Сак утверждает что, каждому типу места присущи своеобразные социальные отношения, которые содержат уникальные социальные нормы. Единство места организовывается и поддерживается через эти социальные нормы. Какие-либо изменения в этих социальных отношениях побуждают изменение смысла и роли места [22, с. 66–74; 23, с. 74–79].

Таким образом, можно утверждать, что место несет функцию развития групповой принадлежности на своей территории. Но какие-либо изменения в социальных отношениях в данном месте влияют на принадлежность к группе.

Кочевой образ жизни и пространственное восприятие

При исследовании кочевых обществ была замечена динамическая устойчивость соответствия между природой и потребностями населения. В кочевых обществах метод производства связан с природой, в таких обществах человеческое поведение и культура ограничены природой и естественными природными ресурсами этой области. Так, соответствующие социальные нормы и социальные отношения развиваются и регулируются в связи с использованием природных ресурсов.

Почва, растительность, природные ресурсы, влияют на культурное мировоззрение, стиль жизни, которые определяют социальные отношения и значение места. Поэтому можно сказать, что природа как среда обитания не только влияет на менталитет человека но также – на основание групповой формы принадлежности.

В этом кочевом пространстве род был основной социально-политической единицей «этносоциальный организм» (ЭСО). И у каждого рода/ЭСО была своя территория, которая обеспечивала его существование.

Но в процессе перехода от кочевого образа жизни к оседлому в российской администрации менялось пространственное восприятие протобурятцев. Изменение социальных отношений на новой территории влияет на групповую принадлежность. Это привело к формированию этнической принадлежности бурят.

В связи с этим теоретическим построением мы спрашиваем: возможно ли, что место как восприятие и идентификация определенных ценностей географического пространства влияет на самоидентификацию человека? Во-вторых, любое измене-

ние в дополнительных компонентах места приводит не только к изменению формы места, но и к изменению самоидентификации человека, который живет в этом месте? Чтобы ответить на эти вопросы, мы можем рассмотреть формирование идентичности бурят в рамках дианамической структуры места.

Социальная структура протобурятского населения до присоединения Байкала к России

С конца XIV в. Монгольской империи начался период феодальной раздробленности. В результате этого процесса в XVI в. и начале XVII века империя была разделена на три части: Южная Монголия, Халху, и Ойратия. Они в свою очередь разделялись на маленькие владения – ЭСО. Во время разделения и внутренних коллизий зона Байкала ослабила свои политические связи и направила усилия на свою внутреннюю жизнь. В это время (XIV–XVII) озеро Байкал представляло собой отдельное жизненное пространство, которое поделилось на два основных: Предбайкалье и Забайкалье [21, с. 216–218].

При исследовании истории этого региона было замечено, что Байкальский регион находился под контролем многих культурных и политических влияний с древних веков до присоединения к Российской Империи.

Термин *бурат/бурет* или *бурат* появился в Предбайкалье, с ареалом распространения к западу от Байкала. Б.Р. Зориктуев утверждает, что в раннее монгольское время группа Предбайкальских племен называлась одним общим именем *бураад*. Это слово означает *люди леса* или *лесные племена*. У хакасов есть этноним *тырат*. По Доржиеву, этноним *тырат* трансформировался в форму *бураад*, которая стала единым обозначением всего населения к западу и востоку от озера Байкал [7, с. 109–110]. Но, на наш взгляд, этноним бурят не соответствовал ЭСО. Напротив, всё это население, которое было сгруппировано под названием буряты, состояло из разных этносоциальных организмов. И все эти ЭСО имеют свои этнонимы. Поэтому, на наш взгляд, этноним бурят означает метаэтническую общность.

С другой стороны, с появлением русских в Восточной Сибири в документах буряты обозначались как братья (или брацкие люди). Этот термин бурят относится не к одной конкретной общности, а к целой группе территориально и этнически близких друг другу родоплеменных об-

разований. Русские никакого отдельного племени или рода под таким названием не зафиксировали на территории Прибайкалья. У предков бурят есть монгольские, тюркские, тунгусские, самодийские и другие этнические связи. Ранние связи у предков бурят наблюдаются с тунгусскими племенами именно в лесной зоне, и, особенно на западе, можно наблюдать тунгусское влияние на будущее бурятское языка и культуры. Вместе с тем, влияние тюркских племен на бурятскую культуру и язык начиналось с древнетюркского времени. С другой стороны, монголоязычные племена оставались основной частью в этногенезе бурят [13, с. 72–75; 135–136].

В разных протобурятских этносоциальных организациях был свой отличительный образ жизни. В Забайкалье большинство населения протобурят занималось скотоводством. С другой стороны, в Прибайкалье большинство населения протобурят занималось оленеводством. Таким образом, можно утверждать, что в Байкальском регионе есть два разных этнографических места которые повлияли на образ жизни людей. Этот образ жизни создал свои потребности и социальные нормы. Образ жизни протобурят можно охарактеризовать как полукочевой. Они сменяли места жительства всвязи с сезонами. То есть, у каждого рода был свой определенный район для перекочевывания, и по этим местностям роды кочевали в цикле (летние и зимние места, весенние и осенние места). Группы должны были использовать определенный маршрут. Маршруты распределялись между родами. Таким образом, как и политические отношения, этносоциальные группы тоже были сформированы в связи с кочевым образом жизни [1, с. 62–93]. Как утверждает Е.М. Залкинд, еще в XVII в. бурятской народности не было [10]. И так же, по мнению Л.Р. Павлинской, протобурятское население состояло из родов, таких как булагаты, эхириты, хонгодоры, и хоринцы [16]. Кроме четырех племен в Прибайкалье есть еще несколько родовых групп. Среди них шошолки, тэртэ и хойхо. Этнический состав этих групп был весьма неоднородным, состоял из тюркских и монгольских элементов [7, с. 107].

С другой стороны, Забайкалье находилось в составе Сецен-хановского княжества, его западная часть входила в состав Дзасахту-ханского ведомства. Но население Предбайкалья находилось в полузависимом состоянии от монгольских феодалов. Положение Предбайкалья определялось

природным барьером, отделявшим его от Монголии – озером Байкал [7, с. 107].

При рассмотрении родовой (общественной) структуры было замечено, что Бурятское общество образовало иерархическую структуру. *Улус* или *Хотон*; это форма родового союза, которая объединяет население одного поселения, патримониальный союз на данной территории людей, совместно совершавших перекочевки. *Холбон* или *Табин*; представляет собой объединение нескольких улусов. *Род*, в состав, которого входило несколько табинов. *Поколение* – это составляющий род элемент. Объединение нескольких поколений составляет род [5, с. 34–45].

Относительно духовной культуры можно отметить, что религия протобуряттов – это шаманизм и буддизм. Шаманы не только соединяли людей с духовным миром, но и имели большой авторитет в своем обществе. Природные объекты, горы, озера, реки, леса имеют духовных покровителей. Кроме этого, также и у каждого племени, рода, и улуса есть свой покровитель. То есть, территориальное/родовое разделение между разными группами приобретало ясность через духовный менталитет [21, с. 223]. С другой стороны, буддизм распространялся именно в области за Байкалом. В то время, как Забайкалье находилось под влиянием буддизма, прибайкалье было под влиянием Шаманизма. Таким образом, можно сказать, что протобурятские племена не объединялись религиозными институтами.

Со временем протобурятские группы распространились в Байкальском регионе, где каждая группа имела своё отдельное территориальное и родовое место. Границы местности, в которой они жили, ограничивалось территорией жизнедеятельности. На этой территории протобурятские группы могли обеспечивать свою жизнедеятельность в рамках существующего этносоциального организма.

Возвращаясь к вопросу, возможно ли, что место как восприятие и идентификация определенных ценностей географического пространства влияет на самоидентификацию человека, мы можем утверждать, что место влияет на самоидентификацию человека и чтобы ответить на этот вопрос, мы должны наблюдать процесс присоединения Сибири к России с точки зрения территориализации.

Присоединение Сибири к России

В XVII веке Россия расширяла свою территорию на восток. В рамках этого

действия царский контроль достиг региона (Прибайкалье) в период с 1625 по 1627. В этот период значение Прибайкалья для Российского царства – это новые земли для переселения. В этих условиях служилые люди, старообрядцы и крестьяне из Европейской России и западной Сибири были отправлены в Прибайкалье. Но в конце XVII в. и в начале XVIII царизм уже не пытался оказывать никакого вмешательства во внутренние дела коренных народов [9, с. 14–22].

В начале XVIII века Российское государство в рамках административных урегулирований разделило Байкальский регион на административные подразделения. В 1796 Сибирь была разделена на две губернии: Тобольскую и Иркутскую. В дальнейшем эти губернии разделялись на области, а области разделялись на уезды. В 1819 году М.М Сперанский подготовил проект в области управления. В 1822 г. правительство ратифицировало *Учреждение для управления Сибирских Губерний и Устав об управлении инородцев*. В рамках органа степного управления каждое стойбище или улус имел свое отдельное родовое управление, и это руководство состояло из старост и одного или двух помощников. Над родовым управлением находилось инородная управа. Сверху роды соединились под началом *Степной Думы*. То есть, *Степная Дума* была высшим административным учреждением. В это административное управление, которое применялось на практике с 1822 до 1837 года, были включены все буряты [9, с.14–22].

В рамках самоуправления буряты, как и другие инородцы, приняли свой собственный юридический статус. То есть, местные административные органы подразделились на главные, губернские, окружные, сельские, и инородческие. Администрация народов Сибири разделялась на три части. Оседлые (оседлый тип жизни) приравнивались к русским. Кочевые – это люди, которые находятся в определенном месте но перемещаются в связи со сменой времен года. Бродячие – люди, которые переходят с одного места по реками и урочищам [9, с. 14–22].

Устав Сперанского сыграл большую роль в установлении взаимоотношений между коренными народами и государством. Благодаря этой системе, которая основана на родоплеменной администрации, Прибайкальский регион стал частью государства.

В период реформ царское правительство стремилось приспособить свою уста-

46 | ревшую систему к новой административной системе. С этой целью с 1886 по 1900 годы сначала в Иркутске, а потом и в Забайкалье Степная дума и учережденный Устав об управлении инородцев были ликвидированы. Это действие породило упразднение родоначальников. В восточной Сибири крупные волости были раздроблены на сельские общества, согласно закону об общественном управлении крестьян Восточной Сибири. В связи с этим буряты не только потеряли административный вес, но также были вынуждены заняться сельским хозяйством и вести оседлый тип жизни [9, с. 14–22].

В начале XIX в. по причине увеличения населения в центральной России Сибирь стала сельскохозяйственным угодьем для крестьянского переселения. В результате земельно-административной реформы и переселенческой политики, первая бурятская политическая активность под руководством родовой аристократии и

буддийского духовенства была направлена против царских политиков [2, с. 48–72; 9, с. 23–44].

В итоге, после присоединения Сибири к России, Байкал является частью Российской империи. В то же время это означает, что Байкал стал единым местом в пространстве Российской империи. В этих рамках царское руководство упорядочило свою роль согласно своим задачам. В результате этой трансформации в Прибайкалье создавались новые административные и юридические порядки. Согласно новым порядкам на местности были переформированы и социальные отношения. В результате этого консолидационные процессы уже начались по обе стороны Байкала, и разные племенные группы начали свое слияние. Начиная с этого времени в Байкальском регионе был культурный симбиоз. Параллельно этому развитию можно было наблюдать переход от родоплеменной к этнической принадлежности.

Список литературы:

- [1] Абаева Л.А., Жуковская, Н.Л. Буряты. – М.: Наука., 2004. – 633 с.
- [2] Базаров Б.В., Жабаева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. – Улан-Уде: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН, 2008. – 376 с.
- [3] Барадин Б.Б. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности // Бурятиследение. – 1927, № 3–4. – С. 39–52
- [4] Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса / Послесл. Н.Я. Бромлей. Изд. 2-е, дол. – М.: Изд-во АКИ., 2008. – 436 с.
- [5] Вяткина Л.В. Очерки культуры и быта бурят. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние., 1969. – 218 с.
- [6] Долгих Б.О. Некоторые данные к истории образования бурятского народа // Советская этнография. – 1953, № 1. – С. 38–63.
- [7] Доржиев Б.Ш. История происхождения и становления бурятского народа. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 2010. – 204 с.
- [8] Егуннов Н.П. Прибайкалье в древности и проблема происхождения бурятского народа. Ч. 1. – Улан-Удэ., 1984. – 284 с.
- [9] Елаев А.А. Бурятия: путь к автономии и государственности. – М.: Антал, 1994. – 176 с.
- [10] Залкинд Е.М. К вопросу об образовании бурят-монгольской народности // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. – 1956, вып.. XXII. – С. 23–45.
- [11] Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. – М.: Вост. лит., 2011. – 278 с.
- [12] Козьмин Н.Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. – М.–Иркутск, 1934. – 150 с.
- [13] Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988. – 169 с.
- [14] Нимаев Д.Д. Буряты: этногенез и этническая история. – Улан-Уде: ВСГАКИ, 2000. – 190 с.
- [15] Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). – Л.: Соцэкгиз, 1937. – 431 с.
- [16] Павлинская Л.Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). – СПб.: Европейский Дом, 2008. – 256 с.
- [17] Румянцев Г.Н. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа // Зап. Бурят-монгольского научно-исследовательского института культуры. – 1953, вып. XVII. – С. 30–61.
- [18] Теуиз М.Дж. Рассмотрение русской (советской) теории этноса через конструктивистскую перспективу «примордиальный конструктивизм» // Общество. Среда. Развитие. – 2013, № 4. – С. 109–113.
- [19] Токарев С.А. О происхождении бурятского народа // Советская этнография. – 1953, № 2. – С. 37–52.
- [20] Трегубова Д.Д. Субэтнос в литературе // Вестник Бурятского госуниверситета. – 2011, № 8. – С. 227–232.
- [21] Цыбиктаров А.Д. Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII в.). – Улан-Уде: Издательство Бурятского университета, 2005. – 268 с.
- [22] Cresswell T. Place: A Short Introduction. – Oxford: Blackwell Publishing, 2004. – 153 p.
- [23] Sack R. D. Homo Geographicus a framework for action, awareness and moral concern. – Baltimore: The John Hopkins University Press, 1997.